

Ангелина Дядчук

Возлюбить свет

Владимирский академический областной театр драмы, вопреки сложившимся обстоятельствам (его здание не первый год находится на ремонте, поэтому спектакли играют на других площадках), продолжает активную фестивальную деятельность. К двум смотрам («У Золотых ворот» и «Территории единения») в 2024 г. прибавился еще один – «Княгиня Ольга».

Когда княгиня Ольга первой приняла христианство на Руси, крестивший ее патриарх сказал ей: «Благословенна ты в женах русских, так как возлюбила свет и оставила тьму»¹. Ей, как символу женской мудрости, смелости и величия, посвящен Первый Всероссийский театральный фестиваль «Княгиня Ольга» во Владимире, приуроченный к празднованию тысячелетия Суздаля, – потомки княгини основали и прославили в веках эти города.

Название фестиваля заведомо сужает круг тем и спектаклей – центральной фигурой постановок должна быть женщина. Театры одиннадцати городов привезли на владими́ро-сузда́льскую землю спектакли разных жанров и форм. И в каждом из них героини пытались оборотить обстоятельства и саму судьбу.

Спектакль «Дом Бернарды Альбы» Нового драматического театра Минска в постановке Елизаветы Машкович притягателен холодной женской красотой (Бернарда Альба – Наталья Капитонова, Мария Хосефа – Людмила Баталова, Магдалена – Милана Иванова, Амелия – Анастасия Алексева, Мартирио – Ксения Асташонок). Со всех сторон он окован темнотой. В нем задушена любовь и умерщвлена ищущая ее молодость. Звездами на ночном небе поблескивают хаотично развешанные сверху фонарики. Дочери Бернарды Альбы шьют для старшей и постаревшей сестры Ангустиас (Оксана Баранок) широкую белую фату, которая вьется в черноте сцены и накрывает ее словно саваном. Как нераспустившийся юный цветок, шуршит изумрудным платьем тоненькая, изящная Адела (Яна Кирноз), тщетно пытающаяся противостоять матери, – траур по собственному счастью в этом доме не закончится никогда.

История чеховской «Душечки» на этом фоне кажется куда оптимистичнее. В спектакле петербургского Театра-фестиваля «Балтийский дом» (режиссер – Александра Мамкаева) Оленька Племянникова (Анна Щетинина) неустанно, бесхитростно, каждый раз как впервые организует семейную жизнь. Действие разворачивается на одиноком острове – небольшом помосте, выстроенном в центре сцены (художник – Ирина Бируля).

Трогательной и очень теплой «Душечке» противопоставлена острая, резкая, пронзительная история Нели из «Жестоких игр» Петербургского государственного молодежного театра на Фонтанке (режиссер – Денис Хусниязов). В окна полупустой, как будто безжизненной мансардной квартиры Кая Леонидова (Сергей Яценюк) барабанит дождь. Внутри беспорядочно разбросаны вещи, а свет в этом жилище не зажигается



«Дом Бернарды Альбы». Минский Новый драматический театр.
Сцена из спектакля. Фото К. Федеяева

(художник-постановщик – Елена Беккер). Однажды в безрадостное существование врывается бесшабашная девушка. Нели (Мария Вершинина) привносит в жизнь героев новую энергию, порядок и, главное, любовь, которой им так не хватало.

Настоящий подвиг во имя любви совершают героини спектакля «Дамская улица», посвященного женам декабристов (Московский драматический театр «Большая медведица»), и Маша Миронова (Ирина Захарова) из «Капитанской дочки» Ивановского музыкального театра. О подвиге рассказывает и спектакль Анатолия Яворского «Я люблю тебя, эскадрилья» Луганского академического музыкально-драматического театра имени М. Голубовича. Сюжет о военных летчиках, давших друг другу клятву не влюбляться, известен зрителям с 1945 г., когда на экраны вышел фильм «Небесный тихоход». В нем звучали песни Соловьева-Седого, мечтавшего создать спектакль по мотивам кинокартины. В 1995-м эту мечту осуществил его ученик – Марк Самойлов.

Луганский театр не понаслышке знает о войне: боль ощутима в отношениях персонажей, и музыкальная комедия обретает особый, горький, драматический подтекст.

Страницы давней истории перелистывает Московский русский духовный театр «Глас», открывший фестиваль спектаклем «Корсунская легенда» (по текстам «Повести временных лет» и «Слова о законе



А. Щетинина – Оленька Племянникова. «Душечка».
Санкт-Петербургский театр-фестиваль «Балтийский дом». Фото С. Кирдяевой

и благодати») о крещении Руси Владимиром и житии княгини Ольги. Закрывался смотр прекрасно исполненной рок-оперой «Юнона и Авось» (режиссер – Владимир Косов) Государственного академического музыкального театра Республики Крым. История любви русского путешественника, политического деятеля Николая Резанова (Александр Голуленко) и юной губернаторской дочери Кончиты (Анна Роман, Ольга Ижболдина, Анастасия Печенкина) рассказана от лица Историка, роль которого исполняет Владимир Кудрявцев. В конце спектакля на сцене зажигаются десятки свечей – в память о жертвенной любви Кончиты.

Афиша фестиваля жанрово богата. Андрей Максимов представил спектакль по пьесе Дмитрия Мережковского «Гроза прошла» (Театр Моссовета) в необычном жанре «романса без антракта». Главная героиня – Елена Калиновская в исполнении Марины Кондратьевой – ценою собственной чести спасает мужа (Валерий Яременко) от смерти. Нарушив клятву верности и тем самым добыв деньги на лечение мужа, она кается в измене: грозовые тучи, обозначенные чередующимися занавесами, постепенно расступаются.

Владимирский областной театр кукол представил документальную драму «Дыши» о художнице-авангардистке Ольге Розановой (режиссер – Марина Протасова). А хозяин фестиваля – Владимирский академический театр драмы – показал три спектакля.



«Я люблю тебя, эскадрилья». Луганский академический музыкально-драматический театр им. М. Голубовича. Сцена из спектакля. Фото К. Федяева

«Барышня-крестьянка» для Сергея Грицай – вторая в этом театре после «Холстомера» самостоятельная режиссерская работа (сотрудничество началось в 2017 г., когда Грицай выступил режиссером по пластике в спектакле «Любовь под вязами»). В «Холстомере», как и в «Барышне-крестьянке», композитор – Игорь Пономаренко, а Александр Аладышев и Наталья Демидова (сыгравшие Холстомера и Вязопуриху) снова стали сценической парой.

Сергей Грицай увидел небольшую шутиливую повесть Александра Пушкина как русский водевиль – раздольное празднество с песнопениями, танцами, славянской обрядовостью.

Березовые стволы (сценография Бориса Шлямина) свешиваются с колосников, создавая ощущение легкости, воздушности и невесомости. Под ними – столб с водруженным на него перевернутым колесом – ритуальное «солнце в ветвях мирового древа», устанавливающее связи всех частей мироздания² (распространено в обрядовой практике славян). Колесо вращается, символизируя постоянное движение и изменение – так же подвижен и динамичен спектакль.

На пустой авансцене поет и пляшет народная массовка (режиссер по пластике – С. Грицай). Девушки-крестьянки наряжены в сарафаны, отбивают ритм грубые туфли на небольших каблучках, на плечах лежат расписные платки, поверх которых уложены роскошные косы.



«Юнона и Авось». Государственный академический музыкальный театр Республики Крым. Сцена из спектакля. Фото К. Федева

Мужики-рабочие – в картузах, белых рубахах-косоворотках, подпоясанных ремнем, брюках, заправленных в сапоги (художник по костюмам Андрей Клямин одевает героев в соответствии с их статусом).

Посередине сцены – длинный праздничный стол, щедро накрытый разными бутафорскими яствами. С его краев спадают яркие бахромчатые уголки павлопосадских платков с узорами цветов и знаменитых «восточных огурцов» – пейслий. На празднике не обойтись без ряженья – обрядового переодевания, обязательного почти для всех гуляний. Оно становится лейтмотивом спектакля: не только Лиза Наталья Демидовой меняет маски, но и весь народ, скрывающий лица под личинами зверей. Актерское искусство перевоплощения, уходящее корнями в традиционную обрядовую культуру, входит в жизнь персонажей спектакля.

Заручившись помощью горничной и наперсницы Насти (Анна Кукушкина), Лиза превращается то в бойкую крестьянку, то в жеманную барышню с выбеленным кукольным личиком. «Во всех ты, Душенька, нарядах хороша», – выведенная в эпиграф к повести фраза Ипполита Богдановича как нельзя лучше выражена в спектакле. В разнообразных одеждах щеголяет и гувернантка Лизы Мисс Жаксон. Анна Лузгина делает ее похожей на оживший экспонат – привезенную из-за границы фарфоровую статуэтку. Англичанка надменна, утрированно демонстрирует хорошие манеры, хотя совершенно ясно, что давно обрусела.



«Барышня-крестьянка». Владимирский академический областной театр драмы.
Сцена из спектакля. Фото С. Кирдяевой

Игривая, шутливая природа проявляется во всех деталях спектакля: из-под костюмов коров выглядывают человеческие ноги, да и сами эти «коровы» все время озорничают. Значительную роль в спектакле играет пес Алексея – Сбогар (Георгий Девятисильный): если бы не его чутье, не случилось бы никакого хеппи-энда. В шапке-ушанке с обвисшими «ушами», в мягких повязках на ладошках-«лапах», с разрисованной мордашкой – этот пес наделен человеческим умом и проницательностью и молниеносно улавливает все перемены настроений хозяина.

Алексей Берестов Александра Аладышева – поначалу легкомысленный франт и местный Казанова – к финалу взрослеет, умнеет, научается чувствовать глубоко.

Помимо «Барышни-крестьянки» в основной программе были еще две внеконкурсные постановки Владимирского театра: «Анна между войной и миром» (монолог Анны Шерер, пьеса Ольги Гуниной) и посвященный 100-летию юбилею поэта, писателя и уроженца Владимирской земли Владимира Солоухина спектакль «Черные доски». Творчество Солоухина согрето неподдельным вниманием к судьбе простого народа, пронизано идеей сохранения культуры, которую этот народ создает и с которой неотрывно связан. Эта тема звучит в спектакле.

Когда советская власть боролась с религией, одни использовали иконы как обычные доски, накрывали ими банки с соленьями,



«Черные доски». Владимирский академический областной театр драмы.
Сцена из спектакля. Фото А. Позина

сооружали из них деревянные ящики, а то и просто жгли или пускали по воде⁵; а другие люди иконы спасали. Владимир Солоухин был одним из них.

Страсть к коллекционированию появилась у него в юности, когда будущий писатель попал в мастерскую художника и увидел процесс реставрации иконы: смоченной маслом ватой мастер аккуратно, слой за слоем, снимал слои почерневшей олифы, постепенно проявляя изображение. С тех пор Солоухин искал старые иконы в заброшенных церквях, собирал их по деревням – об этих поисках и страсти к коллекционированию написаны «Черные доски».

Солоухин-коллекционер бережно собирал не только иконы, но и необыкновенные истории обыкновенных людей из самых глухих и отдаленных уголков России. Солоухин-писатель сложил эти сюжеты в книги. А Владимир Кузнецов – автор инсценировки и режиссер – мастерски сплел из них сложное драматургическое полотно.

На оголенной до кирпичных стен и порталов сцене – деревянная лесенка, скамьи, передвижные рамы, музыкальные инструменты, на которых играют сами актеры (сценограф – Дмитрий Дробышев). Декорации перемещаются, условно обозначая место и время действия, при этом не лишая сценическое пространство ощущения свободы и простора.

Видео, проецируемое на белую кладку театральной стены, сантиметр за сантиметром приоткрывает изображение (видеограф – Константин Белов). Ни склонившийся над черной доской герой, ни зритель не знают, что увидят по окончании работы...

Трудоемкий, скрупулезный процесс реставрации в спектакле идет параллельно с глубоким погружением героя в собственные воспоминания (они даны не только в рассказах, но и в автобиографических произведениях Солоухина и его стихотворениях). Автор представлен в трех лицах: юный Солоухин – Тимофей Ефимцев, зрелый – Илья Струков и пожилой – Владимир Лаптев. На протяжении всего действия герой Лаптева как бы оглядывается назад, оценивает себя в прошлом, почти физически заново его переживая. Актер не просто играет роль, он полностью разделяет боль своего героя за уничтожение памятников и памяти, традиции и веры, за униженное положение народа.

В финале режиссер повторит видео из начала спектакля. А внутри этой «арки» разместит три рассказа Солоухина – «Серафима», «Варвара Ивановна» и «Девочка на урезе моря», главными действующими лицами которых оказываются женщины. Истории их судеб, зачерненные разного рода обстоятельствами и грехами, тоже освобождаются от «копоти» по мере развития сюжета.

1940-й год. Жизнь юного героя (Тимофей Ефимцев) только начинается. Первая влюбленность, молодые люди кружатся в танце, проводят вместе долгие целомудренные вечера. Никто не может заподозрить в красавице Серафиме (Екатерина Трофимова) женщину легкого поведения. Никто не может ожидать и того, что она добровольно уйдет на войну медсестрой и погибнет, спасая раненых.

Второе, тоже неожиданное событие, свидетелем которому становится наш повзрослевший герой, происходит в истории с Татьяной Сергеевной (Ирина Копылова). Бой-баба («в горящую избу войдет, коня на скаку остановит»), выносливая, крепкая бригадирша погибает от случайно отлетевшего куска металла. Темные деревянные скамьи при-слоняют друг к другу – получается гроб. На авансцене сидит свекровь умершей – Варвара Ивановна, с головы до ног в белой одежде, словно в саване. Героиня Жанны Хрулевой давно должна была помереть, ее уже и соборовали, но теперь старуха поднимается со смертного одра ради маленькой внучки, оставшейся круглой сиротой.

Человек не может «постигнуть дел, которые Бог делает, от начала до конца». Эта мысль из книги Екклесиаста дана и в сценическом

прочтении рассказа «Девочка на урзе моря»: ребенок собирает камушки на морском берегу, а главный герой «собирает камни» – подводит итоги жизни.

На сцене, залитой теплым солнечным светом, появляется постаивший Писатель, возвратившийся в места своей молодости. Среди развешенных повсюду белых простыней играет девочка. Дочь давних знакомых Автора появилась на свет только благодаря его вмешательству: когда-то ему удалось убедить Катю (Ирина Жохова) не избавляться от плода, но малышка родилась «некрасавица, незадачница, уродинка», с заячьей губой. И теперь он сомневается: не много ли на себя взял? Ответом служит образ девочки, каким он дан в спектакле. Роль исполняет Светлана Позина – чистейший образец детской прелести, ангел. Ответом становится и бесконечная любовь матери к когда-то нежеланному ребенку.

Три женские истории. Режиссер не уподобляет героинь Богородице, но происходящие с ними перемены таковы, что лица их в какой-то момент покажутся ликами, а то, что совершили они, и то, что свершилось благодаря им, – чудом.

Реставрация завершена: взору зрителей открывается светлый лик Божьей Матери.

Сцена погружается в темноту, но из разных уголков ее пронизывают лучики света: некоторые статичные – от прожекторов, другие – подвижные, словно танцующие – от фонариков в руках артистов. Лучики любви и веры. «А был ли свет?» – спрашивает Девочка, и все повторяют за ней этот вопрос. Из глубины сцены доносится уверенный голос Автора: «Свет был и будет всегда!»

¹ Повесть временных лет / [Рос. акад. наук]; Подг. текста, пер., ст. и коммент. Д.С. Лихачева; Под ред. В.П. Адриановой-Перетц; [Доп. М.Б. Свердлова]. – 2-е изд., испр. и доп. – СПб.: Наука: С.-Петербург. изд. фирма, 1996. С. 29.

² *Топоров В.Н.* К происхождению некоторых поэтических символов / *В.Н. Топоров* // *Мировое древо: универсальные знаковые комплексы: в 2 т. Т. 1.* – М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2010. С. 70.

³ *Солоухин В.А.* Черные доски / *В.А. Солоухин* // *Собр. соч.: в 4 т. Т. 3: Письма из Русского музея; Черные доски; Время собирать камни.* – М.: Художественная литература, 1984. С. 169.